

А
<Н. Н. Страхов>

Нѣчто о петербургской литературѣ

(письмо къ редактору "Времени")

"Время", No 4, 1861

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1861/APRIL/petlit.htm>

"Клянуся, XIX вѣкъ стыдиться будетъ за эти пять лѣтъ!" (1836) Гоголь.

Часто размышлялъ я о томъ, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время наша литература; но, признаюсь вамъ, чаще всего ничего не выходило изъ этихъ соображеній. Конечно вы можете найти, что въ этомъ виноватъ я, а не кто другой; но я вамъ замѣчу, что можетъ быть виновата и сама литература, т. е. можетъ быть, литература такова, что въ ней ничего понять нельзя, что какъ ни бейся, ничего не объяснишь. Нынѣче и за моремъ и у насъ очень любятъ толковать о томъ, что въ исторіи вообще много *неразумнаго*, случайнаго, не поддающагося логическимъ выводамъ. Слѣдовательно меня нельзя еще упрекнуть въ отсутствіи научной строгости, еслибы я объявилъ, что наша нынѣшняя литература *неразумна*, что она не болѣе, какъ несчастная случайность. Вы согласитесь по крайней мѣрѣ, что можно смотрѣть на нашу литературу съ этой точки зрѣнія, что за примѣрами и фактическими доказательствами дѣло не станетъ. Гдѣ у насъ центръ? Гдѣ ясные лагери, ясная правая и лѣвая сторона? На комъ покоются наши надежды?

Не правда ли, на эти вопросы трудно отвѣчать; скорѣе можно согласиться, что все у насъ въ туманѣ, все спутано, неопредѣленно, что нѣтъ ничего, чтобы оставалось неподвижнымъ и свѣтило ярко и постоянно. Пушкина не считаютъ народнымъ, Державина не признаютъ даже поэтомъ -- словомъ все рушится, вездѣ хаосъ и мракъ...

Мы живемъ въ великую эпоху. То, что дѣлается въ Европѣ, то, что дѣлается у насъ, представляетъ зрѣлище столь великаго движенія, что ему не удивлялся и надъ нимъ не задумывался только тотъ, кто никогда не думалъ. Я живо помню -- *шестнадцать лѣтъ* (дальше не помню), когда все походило на неподвижную рѣку, покрытую льдомъ; нынѣче, пять-шесть лѣтъ, все похоже на рѣку, которая вдругъ начала ломать свой ледъ и постепенно ломаетъ его и уноситъ въ море, и станетъ наконецъ вполнѣ живою, текучею рѣкою.

Передъ такимъ зрѣлищемъ мною овладѣваетъ робость и страхъ. О чемъ я хочу говорить? На что устремляю все свое вниманіе? О малодушіе! О дерзость! На русскую литературу!

Вѣдь нынѣче въ модѣ -- необыкновенная строгость. Многіе удивляются, да какъ и не удивляться, что люди цѣлуются, женятся, пишутъ стихи и вообще позволяютъ себѣ разныя удовольствія, тогда какъ другіе -- страдаютъ. Противорѣчіе нестерпимое, и я вполнѣ его чувствую. Повѣрьте, господинъ редакторъ, что я вполнѣ сознаю свою ничтожность, въ настоящемъ случаѣ. Принимаясь писать къ вамъ, я очень хорошо понимаю, что я не приступаю къ совершенію великаго подвига и не готовлюсь принести себя въ жертву. Надѣюсь однакоже, что это не дастъ вамъ никакого права заключать, что я совершенно неспособенъ ни къ подвигамъ ни къ жертвамъ. Прошу васъ не обижать меня. Вы были бы до крайней степени несправедливы, еслибы стали упрекать меня въ холодности къ страданіямъ человѣчества, въ сухомъ эгоизмѣ, въ наглomъ безсердечіи за то только, что я намѣреваюсь разсуждать о русской литературѣ. Я знаю, что разсуждать о русской литературѣ почти тоже, что писать стихи *къ ней*, но, если бы вы мнѣ стали это запрещать, если бы вы отъ меня потребовали, чтобы я обѣдалъ со скрежетомъ зубовъ и пилъ вино не иначе, какъ пополамъ съ собственными моими слезами, то вы сами провинились бы въ ужасномъ жестокосердіи. Вы не повѣрите, какъ я люблю русскую литературу.

А впрочемъ -- знаете ли, къ чему клонится моя рѣчь? Я бы не сталъ васъ и спрашивать, я не сталъ бы и оговариваться, если бы былъ вполнѣ убѣжденъ, что съумѣю правильно разсудить о русской